

Георгий Чулков

«Вопросы жизни»

Годы странствий

Георгий Чулков
«Вопросы жизни»

«Public Domain»

1930

Чулков Г. И.

«Вопросы жизни» / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1930 — (Годы странствий)

ISBN 978-5-457-12902-3

«Создать такой журнал, как «Вопросы жизни», на рубеже 1904 и 1905 годов было нелегко. И не только потому, что судьба его зависела от царского правительства и его цензуры. Создать такой журнал было трудно потому, что историческая обстановка вовсе не благоприятствовала пропаганде тех идей и верований, какие занимали тогда меня и моих литературных друзей. Программа идейной пропаганды, какую мы мечтали развернуть, была рассчитана на несколько лет. Но зашумела революция, и вся жизнь полетела, как парусное суденышко, подхваченное штормом...»

ISBN 978-5-457-12902-3

© Чулков Г. И., 1930
© Public Domain, 1930

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Георгий Иванович Чулков

«Вопросы жизни»

I

Создать такой журнал, как «Вопросы жизни», на рубеже 1904 и 1905 годов было нелегко. И не только потому, что судьба его зависела от царского правительства и его цензуры. Создать такой журнал было трудно потому, что историческая обстановка вовсе не благоприятствовала пропаганде тех идей и верований, какие занимали тогда меня и моих литературных друзей. Программа идейной пропаганды, какую мы мечтали развернуть, была рассчитана на несколько лет. Но зашумела революция, и вся жизнь полетела, как парусное суденышко, подхваченное штормом.

Мы наладили наш корабль. У него снасти были крепче, чем у безвременно погибшего «Нового пути», но и нашему кораблю надо было спешить все дальше и дальше, не заходя в гавани. Избегая метафор и аллегорий, скажу прямо: революционная психология не терпит, как известно, никаких рефлексий, сомнений, скептицизма. Революционная эпоха прежде всего эпоха волевая. «Кто развязал Эолов мех, бурь не кори, не фарисействуй»¹, – сказал поэт. И поэт прав, конечно.

Мы тогда все «приняли революцию». А уж если ты принимаешь революцию, надо ее принять со всеми ее выводами. Тут сентиментальным быть не приходится. Этот подводный камень мы обошли, но вот насчет рефлексий дело было труднее, ибо мои друзья были философы, а какая же философия возможна без скептических размышлений и без всяческих сомнений! Героями дня были не те, кто размышлял, а те, кто действовал.

Со стихией не сладишь, ее не перекричишь, хотя бы ты обладал «шляпинским» горлом. У стихии своя правда. И тут уж ничего не поделаешь.

Что касается материальной организации журнала, то она устроилась довольно благополучно. У проф. Н.О. Лосского было почему-то не использованное им правительственное разрешение на журнал под названием «Вопросы жизни». Я поехал к Лосскому и без труда уговорил его дать свое имя и уступить свои права на журнал нашему кружку. Деньги дал великодушно и бескорыстно Д.Е. Жуковский², небезызвестный издатель философских книг. Политический и философский отделы были в руках Булгакова и Бердяева, а я ведал главным образом отделами беллетристики, поэзии и критики.

«Вопросы жизни» не были тем боевым, своеобразным и нарушавшим все интеллигентские традиции журналом, каким был «Новый путь», но зато новый журнал был солиднее, умнее, убедительнее, внушительнее своего неосторожного предшественника. В отделе поэзии и художественной прозы, где я собрал всех символистов, журнал значительно выиграл. Впервые, наконец, поэты-символисты стали печататься в журнале, который пользовался известным авторитетом не только в литературно-художественной богеме, но и вообще среди культурных людей.

¹ Вяч. Иванов. «Да, сей пожар мы поджигали» (1919). Стихотворение написано в ответ на послание Г. Чулкова «Поэту», в котором была строка: «Ведь вместе мы сжигали дом, где жили наши предки чинно». Эолов мех – согласно Гомеру, Эол, бог ветров, вручил Одиссею завязанный мешок с бурными ветрами, но спутники Одиссея развязали его, что повлекло страшную бурю.

² Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868–1943) – переводчик, издатель философской литературы и журнала «Вопросы жизни», биолог по образованию. С 1909 г. муж поэтессы Аделаиды Герцык. Его сын Даниил был женат на сестре Чулкова – Анне.

Но какое было время! Какое трудное время! Уже в «Новом пути» – в октябрьской книжке 1904 года – я напечатал жирным шрифтом: «Внутреннее обозрение не могло появиться по не зависящим от нас обстоятельствам», в ноябрьской книжке нам не позволили сделать такой анонс, и вместо «внутреннего обозрения» появился какой-то суррогат «по поводу сорокалетия судебных уставов», в декабрьской книжке с большими урезками «внутреннее обозрение» покойного Штильмана³ было напечатано, но после цензорских чернил оно мне показалось таким вялым, что я присоединил к нему отдел «Из текущей жизни», где без всяких комментариев дал длинейший список опубликованных в газетах фактов – демонстраций, уличных сражений, террористических актов, одним словом, всего, что предрекало красноречиво наступление времен катастрофических.

Надо помнить, что 15 июня был убит Плеве⁴ и что вся система дрогнула, пошатнулась, что в декабре был опубликован указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», свидетельствующий о полном бессилии правительства. Запах гниения наполнил всю российскую равнину – отравный и сладкий запах смерти. Тысячелетняя старушка – карамзинская «История государства российского»⁵ – умирала. Но смерть и жизнь так сплелись, перепутались и соединились в каких-то фатальных объятиях, что нам, свидетелям той эпохи, трудно было различить, где конец, где начало.

Подумать только, что нам пришлось выпускать первую книжку «Вопросы жизни», когда еще в умах и сердцах не остыло все испепеляющее воспоминание о падении Порт-Артура и когда еще дымилась кровь, пролитая 9 января на снежных улицах нашего безумного Петербурга.

Первая книжка нашего журнала вышла с анонсом: «Внутреннее обозрение» Г.Н. Штильмана и «Хроника внутренней жизни» Г. Ч-ова, посвященные рабочему движению последних дней, не могли быть напечатаны в январском номере журнала «Вопросы жизни» по не зависящим от редакции обстоятельствам.

Но и те публицистические статьи, которые прошли как-то через цензуру, были достаточно красноречивы. В сущности журнал приветствовал революцию, и это было совершенно ясно. И непонятно было не то, что из семи политических статей были запрещены две, а то, каким образом правительственный чиновник мог допустить на страницах подцензурного журнала совершенно недвусмысленный призыв к ниспровержению существующего строя. Очевидно, ревнители старого порядка чувствовали фатальную неизбежность своего конца. Надо ли удивляться тому, что понадобилось еще целых двенадцать лет, чтобы падение самодержавия стало историческим фактом. Велика сила инерции, на которую недаром надеялся Победоносцев.

Возможность революции давно уж казалась мне несомненной, но впервые я почувствовал ее как живую реальность в ночь с 8 на 9 января. В эту ночь я был в редакции «Сына отечества»⁶. Я сидел рядом с Мережковским, и мы обменивались иногда фразами, забыв наши личные недоразумения. Да, это была страшная ночь. Петербургские интеллигенты без различия направлений сбились здесь в одну кучу, бледнея от ужаса при мысли, что вот сейчас,

³ Штильман Георгий Николаевич (1877–1916) – юрист, публицист, печатался в газетах «Товарищ», «Русское слово», редактор петербургской газеты «Слово».

⁴ Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904) – министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов в 1902–1904 гг., убит эсером Е. Созоновым.

⁵ «История государства Российского» – многотомный исторический труд Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), писателя и историка.

⁶ «Сын отечества» – ежедневная общественная, политическая и литературная газета либерального направления. Издавалась с 1862 г. В 1888–1897 гг. газетой руководил А.К. Шеллер-Михайлов, с 1897–1900 гг. – С.Н. Кривенко. После четырехлетнего перерыва была возобновлена в 1904 г. под ред. Г.И. Шрейдера. В ноябре 1905 г. в редакцию вошли от партии эсеров – Н.С. Русанов и В.М. Чернов, от партии народной свободы – В. Мякотин и А. Пешехонов. Издание было закрыто в декабре 1905 г.

через несколько часов, безоружная стотысячная масса рабочих двинется к царскому дворцу. Все понимали, что начинается долгожданная революция, но как странно и как-то совсем по-иному – не так, как о том мечтали деятели наших революционных партий. Н.Ф. Анненский⁷ читал петицию рабочих. Листок дрожал в его пальцах, и старик с трудом прочел эту прокламацию, обращенную к царю.

Все знали, что город превращен в военный лагерь, что в рабочих будут стрелять, и казалось невозможным, чтобы эти убийства в самом деле совершились. Казалось, что надо кому-то что-то растолковать – и не будет кровавого ужаса. Решили, как известно, послать депутацию к Витте и к Святополк-Мирскому. Были выбраны А.В. Пешехонов⁸, В.А. Мякотин⁹, В.И. Семевский¹⁰, Максим Горький и еще человек пять. Мы не расходились, дожидаясь ответа. Вернувшиеся депутаты привезли ответ непонятный, с которым не мирилась ни совесть, ни даже простая логика. Витте принял депутатов, но объяснил с любезною улыбкою, что эта вся история его не касается, все это «не его ведомства». Святополк-Мирского вовсе не нашли. Его будто бы не было дома, и будто бы никто не знал, где он находится. Вместо него принял депутацию какой-то генерал, который советовал депутатам обратиться с предупреждением не к правительству, а к рабочим. Но к рабочим уже нельзя было обратиться. Было поздно. Да и у петербургских интеллигентов не нашлось тогда языка, понятного и убедительного для этих измученных и взволнованных людей, в которых проснулись какие-то древние, загадочные, исконные надежды на «царя-батюшку», воскрес тысячелетний миф о народном государе.

Все понимали, что объяснить события простой провокацией департамента полиции недостаточно и неразумно. И поп Гапон¹¹, несмотря на свою явную связь с охранным отделением, был загадочен и грозен для старого порядка. И с ревнивым чувством интеллигенты смотрели на этого безумного священника, который поднял десятки тысяч рабочих и вырвал у них клятвы на борьбу за свободу.

Когда я ночью вышел из помещения «Сына отечества» и пешком направился домой, у меня оказался спутник – видный и многоопытный политик.

– Что будет? – пробормотал я, чувствуя смертельную усталость и вовсе не надеясь, что мой спутник сможет ответить мне на этот безответный вопрос.

Но спутник стал объяснять что-то, стараясь уверить себя и меня, что все это очень просто, что масса «несознательна», но скоро она станет «сознательна», что даже очень хорошо, что будут стрелять в этих «баранов» (он именно так выразился).

– Это нам очень на руку, – сказал политик, улыбаясь. – Послезавтра нас будут слушать так внимательно, как никогда еще не слушали. Такова диалектика истории.

⁷ Анненский Николай Федорович (1843–1912) – публицист, экономист, общественный деятель, родной брат поэта Иннокентия Анненского.

⁸ Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – политический деятель, публицист, был близок к эсерам, входил в редакцию журнала «Русское богатство». В 1922 г. выслан из России.

⁹ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист, член редакции журнала «Русское богатство». В эмиграции с 1918 г.

¹⁰ Семевский Василий Иванович (1848/49–1916) – историк, был близок к народникам, редактировал журнал «Голос минувшего».

¹¹ Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник, с осени 1905 г. агент охранки. При поддержке ряда высших чинов Министерства внутренних дел организовал в 1904 г. легальную рабочую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», которая распалась после 9 января 1905 г. Инициатор петиции рабочих Николаю II и шествия к Зимнему дворцу. С января по октябрь 1905 г. – в эмиграции. Пытался сблизиться с эсерами, но вскрылись его связи с охранкой. Разоблачен как провокатор. Повешен по приговору партийного суда в марте 1906 г. В 1915 г. Чулков писал: «Наша революция воистину заключала в себе черты фантастические, и образ попа Гапона сочетался своеобразно с кошмаром тысяча девятьсот пятого года» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 12–18). В неопубликованной поэме Чулкова «9 января» о нем сказано: «И вот приходит старый поп // Как выходец из тьмы столетий...» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 21–24).

Немногие, вероятно, спали в эту ночь. И я не спал, размышляя о «диалектике истории». Утром я вышел из дому. Белая мгла висела над городом. И в холодном тумане алело солнце без лучей, как окровавленный круглый щит.

На углу Вознесенского я встретил конный патруль. Рядом бежала толпа, перекликаясь с солдатами.

– Неужто стрелять будете?

– А по-твоему бунтовщиков пряниками кормить?

– Ай да солдат? В своих же, в православных христиан...

– Мы, небось, присягали.

– А японца испугались.

– Ну, поговори еще. Больно ты шустрый.

На Казанской, около костра, старуха рассказывала. Слушало человек десять.

– Проснулась, а его, родимого, и нету. Туда-сюда. Ушел. Спрашиваю Матрешу: не видала ли? – Пошел, – говорит, на Невскую заставу, оттуда, – говорит, – тьма-тьмушая идет. Одних судостроительных Бог знает сколько. Ну, где же его, светики, разыскать. Вот и маюсь теперь так, не емши, не пимши...

– Моли Бога, старуха...

– А Матреша говорит: – Не сносить ему, говорит, головы. Лучше бы, говорит, ему голову в прорубь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.